

УДК 811.161.1'366
ББК 81.411.2

ПРОСТЫЕ ПРЕТЕРИТЫ В ТЕКСТАХ БЕРЕСТЯНЫХ ГРАМОТ: ФАКТЫ ЖИВОГО ЯЗЫКА ИЛИ ВЛИЯНИЕ КНИЖНОЙ НОРМЫ

Е.В. Бредихина

В статье рассматривается дискуссионный вопрос о характере взаимодействия книжных и разговорных языковых явлений в истории русского языка. На основе анализа случаев употребления аориста и имперфекта в берестяных грамотах автор делает вывод о потенциальном присутствии этих форм в древненовгородском диалекте.

Ключевые слова: древнерусский язык, книжная норма, берестяные грамоты, аорист, имперфект.

Необходимость дальнейшей разработки функционального подхода к изучению эволюции языкового (в частности, письменного) узуса, при котором основным объектом рассмотрения становится функционирование языковой единицы, признается сегодня многими лингвистами (см., например: [1]). В связи с этим актуальность приобретают исследования, проведенные на материале древнерусских берестяных грамот, в текстах которых находят отражение книжные и разговорные языковые явления, наблюдается их сложное взаимодействие [4; 5; 7; 8; 9].

В специальной литературе не раз высказывалось мнение о том, что простых претеритов не было в языке восточных славян периода ранних памятников и что они выступают только как дифференциальные признаки текста, маркируя памятники церковнославянской письменности [17]. Опираясь на языковые факты, представленные в берестяных грамотах, С. Менгель утверждает, что «наличие каких бы то ни было следов сложной системы прошедших времен как в истории восточнославянских языков... так и на современном этапе их существования представляется принципиально недоказуемым. Отнесение действия в прошлое маркируется единственно формой на *-л*» [13, с. 29].

Такое мнение вызывает возражения у многих исследователей. А.И. Горшков отмечает, что никакие памятники письменности, «даже берестяные грамоты, не могут рассматриваться в качестве адекватно отражающих разговорный язык своего времени» [2, с. 74]. Кроме того, ученые относят деловые документы к определенному стилю единого литературного языка [3; 14; 15; 16]. Широко известны работы Л.П. Жуковской, свидетельствующие о том, что при переписывании богослужебных книг малоупотребительные слова заменялись более употребительными или такими, «значение которых, по мнению древнерусских писцов, более подходило к тому или иному контексту» [7, с. 75]. Как подчеркивает О.В. Малкова, фонетические и морфологические особенности старославянских текстов русскими переписчиками не воспроизводились механически [12, с. 85–90]. Приведенные аргументы заставляют сомневаться в правомерности утверждения ряда исследователей о том, что на протяжении многих веков в текстах используются такие грамматические формы, за которыми для русского читателя и писца никогда «не было живых смысловых ассоциаций» [17, с. 38].

В работах ученых находит обоснование положение о том, что раннее разрушение временной оппозиции «аорист : имперфект» в плане содержания выражалось в постепенной утрате имперфектом специфической временной функции [11]. Дальнейшая унификация

грамматической системы времен сопровождалась компенсаторными процессами в истории русского языка [10] и становлением функционально-семантических категорий, в результате чего система сужалась, а ее возможности расширялись [19]. Идеи о раннем распаде оппозиции простых претеритов согласуются с мнением Г.А. Хабургаева о том, что имперфект пережил более раннюю утрату, чем аорист [20]. Эта точка зрения подтверждается материалом берестяных грамот разной тематической принадлежности, размещенных в Национальном корпусе русского языка.

Формы имперфекта встречаются лишь в нескольких грамотах XII в.: *оже ми лихо мълвлѣше* (БГ 605) (здесь и далее тексты берестяных грамот приводятся в упрощенной графике); [*въ*]лѣшь ... а ты чересо силу *дешишь* (БГ 487), [*бе*]шь (БГ 831), а также в составе плюсквамперфекта в грамоте конца XII – первой половины XIII в.: *съ сталь бышь коузма* (БГ 510). Подобные примеры А.А. Зализняк объясняет влиянием книжного языка [9, с. 142]. Однако столь небольшой временной период, в течение которого имперфект отмечается в текстах ранних грамот, может служить косвенным доказательством его функционирования в живом языке этого времени. Как подчеркивает О.Ф. Жолобов, сама по себе узость хронологического диапазона, когда имперфект еще встречается в грамотах, по-видимому, свидетельствует о его потенциальном присутствии в обыденной речи этого времени. В более поздних грамотах имперфект не встречается, что должно было бы свидетельствовать об отсутствии книжного влияния на древненовгородский диалект. В этой связи закономерно возникает вопрос о возможных причинах такого процесса: почему в более поздних грамотах имперфекта нет, хотя в поздний древнерусский период книжное влияние могло бы проявиться более отчетливо [6].

По сравнению с имперфектом аорист представлен большим количеством случаев употребления и фиксируется в берестяных грамотах XII–XIV веков. Приведем примеры XII в., в которых формы аориста можно считать достоверно установленными: *ит дѣла* и *ит илькѣ се посѣлаховѣ лоукѣтъ .s. и .i. а масла .г.* (БГ 842); XIII в.: *а то приказо нездыле же* (БГ 220); и *ит меже дахо сара-*

ти (БГ 211); XIV в.: *да .в. рублѣ* (БГ 318); *се блгви попе максим(е)* (БГ 368); *послахомъ грамоту бесудну* (БГ 137); *се азо раб обжи селивьстро напсахъ роукописание* (БГ 138); *се доконьцѣху мысловѣ дѣмѣ* (БГ 136).

Как видно из контекстов, в грамотах XIV в. аорист встречается, прежде всего, в составе начальной формулы официальных актов, в деловых документах – преимущественно в форме 1 л. ед., мн. и дв. числа (этот факт отмечается и в исследовании А.А. Зализняка: [9, с. 142]). Однако в ранних берестяных грамотах отмечаются случаи употребления аориста в текстах не церковнославянского содержания. Так, в грамоте XII в. зафиксированы аорист и редчайший случай имперфекта: *покланѣние ит ефрѣма къ брату моему исоухиѣ не распрашавъ розгнѣвасѣ мене игомене не поустиле а ѣ прашалъсѣ нѣ послалъ съ асафѣмъ къ посадъникоу медоу дѣла а пришьла есѣ оли звонили а чемоу сѣ гнѣваеши а ѣ всьгда оу тебе а соромъ ми оже ми лихо мълвлѣше и покланѣю ти сѣ братьче мои то си хотѣ мълви ты еси мои а ѣ твои* (БГ 605).

В приведенном тексте частного бытового содержания аорист и имперфект употребляются семантически адекватно, не являются функциональными показателями «престижности» документа. По мнению В.Б. Силиной, «представление о таких формах прошедшего времени, как аорист и имперфект, обычно употреблявшихся в нарративе, как об отдельных языковых единицах может скорее привести к мысли о том, что эти формы были семантически весьма емкими и, возможно, обладали особой экспрессивностью. Редкое употребление их в Новгородских берестяных грамотах может быть объяснено тем, что нарратив, экспрессивно окрашенный, занимал в Новгородских берестяных грамотах весьма скромное место (см., например, гр. № 487, 605). Датировка этих грамот к XI–XII вв. может свидетельствовать скорее об архаичности представленных в них форм имперфекта, чем об их книжном характере» [18, с. 304]. Все сказанное противоречит предположению некоторых исследователей о том, что аорист и имперфект в раннем древнерусском языке были результатом морфологических заимствований в процессе усвоения книжных норм.

Анализируя отражение норм старославянского и церковнославянского языков в новгородских берестяных грамотах, В.Б.Силина подчеркивает, что «практически в Древней Руси не существовало представления о слове как о единстве парадигматических форм. В полной мере это относится к глагольному слову, обладавшему сложной парадигмой, особенно в области форм прошедшего времени. Поэтому кажутся маловероятными предположения о возможности проникновения в эпистолярную речь новгородцев, являющуюся лишь опосредованной формой живой речи, морфологических заимствований из старославянского языка, не подкрепленных живым словоупотреблением» [18, с. 305]. В целом, по справедливому замечанию В.Б. Силиной, «представляется возможным говорить о слабой проницаемости грамматической системы древнерусского народно-разговорного языка (по данным Новгородских берестяных грамот) для влияний книжной нормы и о достаточно ограниченном влиянии книжных норм на живой язык древних новгородцев, представленный в новгородских берестяных грамотах» [там же, с. 306].

Рассмотренные тексты берестяных грамот показывают, что древние новгородцы хорошо знали аорист, имперфект, формы на *-ль*. Таким образом, имеющийся в распоряжении исследователей, хотя и весьма скудный, языковой материал свидетельствует о присутствии аориста и имперфекта в глагольной системе раннего древнерусского языка и вряд ли может служить доказательством морфологических заимствований из южнославянских в восточнославянские языки.

Остается надеяться на то, что впереди еще будут открытия новых грамот (не только на раскопах Новгорода, но и других древнерусских городов), которые позволят ответить на вопрос о статусе простых претеритов в языке восточных славян.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гиппиус, А. А. К прагматике и коммуникативной организации берестяных грамот / А. А. Гиппиус // Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1997–2000 гг.). – М. : Русские словари, 2004. – С. 228–229.
2. Горшков, А. И. Теория и история русского литературного языка / А. И. Горшков. – М. : Высшая школа, 1984. – 320 с.
3. Ефимов, А. И. История русского литературного языка / А. И. Ефимов. – М. : Просвещение, 1961. – 317 с.
4. Живов, В. М. Автономность письменного узуса и проблема преемственности в восточнославянской средневековой письменности / В. М. Живов // Славянское языкознание. XII Международный съезд славистов : докл. рос. делегации. – М. : Наука, 1998. – С. 212–247.
5. Живов, В. М. Роль русского церковнославянского в истории славянских литературных языков / В. М. Живов // Актуальные проблемы славянского языкознания. – М. : Изд-во МГУ, 1988. – С. 49–98.
6. Жолобов, О. Ф. Древнерусский имперфект в корпусе учительных сборников / О. Ф. Жолобов // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2010. – № 4 (окт.–дек.). – С. 5–11.
7. Жуковская, Л. П. Новгородские берестяные грамоты / Л. П. Жуковская. – М. : Учпедгиз, 1959. – 128 с.
8. Жуковская, Л. П. О некоторых проблемах истории русского литературного языка древнейшего периода / Л. П. Жуковская // Вопросы языкознания. – 1972. – № 5. – С. 62–77.
9. Зализняк, А. А. Древненовгородский диалект / А. А. Зализняк. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 872 с.
10. Лопушанская, С. П. Компенсаторные процессы в истории русского глагола / С. П. Лопушанская // Академик О.Н. Трубачев: Слово о замечательном волгоградце. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2003. – С. 83–90.
11. Лопушанская, С. П. Развитие и функционирование древнерусского глагола / С. П. Лопушанская. – Волгоград : Изд-во ВПИ, 1990. – 115 с.
12. Малкова, О. В. О связи церковнославянского языка древнерусской редакции со старославянским языком / О. В. Малкова // Вопросы языкознания. – 1981. – № 4. – С. 85–90.
13. Менгель, С. Отражение протекания действия во времени в языке восточных славян / С. Менгель // Вопросы языкознания. – 2007. – № 6. – С. 14–31.
14. Мещерский, Н. А. История русского литературного языка / Н. А. Мещерский. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1981. – 279 с.
15. Мещерский, Н. А. Существовал ли «эпистолярный стиль» в Древней Руси? Из заметок о грамотах на бересте / Н.А. Мещерский // Мещерский, Н. А. Избранные статьи. – Электрон. текстовые дан. – СПб. : Изд-во С.-Петербург. гос. ун-та, 1995. – Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics2/meshchersky-95c.htm>. – Загл. с экрана.

16. Петрухин, П. В. К прочтению новгородской берестяной грамоты № 724 / П. В. Петрухин // Русский язык в научном освещении. – 2009. – № 1 (17). – С. 109–126.

17. Ремнева, М. Л. Литературный язык Древней Руси: некоторые особенности грамматической нормы / М. Л. Ремнева. – М. : Изд-во МГУ, 1988. – 143 с.

18. Силина, В. Б. Отражение норм старославянского и церковнославянского языка в новгородских берестяных грамотах / В. Б. Силина // Современная славистика и научное наследие С.Б. Бернштейна. – М. : Изд-во Ин-та славяноведения РАН, 2011. – С. 304–306.

19. Терентьева, Е. В. Функционально-семантическая категория перфектности как объект лингвистического изучения / Е. В. Терентьева // Вестник

Волгоградского государственного университета. Сер. 2, Языкознание. – 2009. – № 1 (9). – С. 6–11.

20. Хабургаев, Г. А. Древнерусский и древнепольский глагол в сопоставлении со старославянским (к реконструкции праславянской системы претеритов) / Г. А. Хабургаев // Исследования по глаголу в славянских языках. История славянского глагола. – М. : Изд-во МГУ, 1991. – 200 с.

ИСТОЧНИКИ

Национальный корпус русского языка. Рукописные памятники Древней Руси: берестяные грамоты. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru/corpora-other.html>. – Загл. с экрана.

SIMPLE PRETERITS IN WRITINGS ON BIRCH BARKS: LIVING LANGUAGE FACTS OR THE INFLUENCE OF BOOK NORM

E.V. Bredikhina

The article deals with the controversial question on the interaction nature between bookish and colloquial language phenomena in the history of the Russian language. The author concludes that there's a potential presence of these forms in the Old Novgorod dialect on the basis of the occurrence analysis of the aorist and imperfect in birch barks manuscripts.

Key words: *the Old Russian language, book norm, birch barks manuscripts, aorist, imperfect.*